

Владимир ЗАБРОДИН

«ШАЛОСТИ АМУРА», или «THE FIRST I SLEPT WITH»

Портрет А.А.Касаткиной в документах и письмах

В письме от 10 июня 1924 года Ю.И.Эйзенштейн писала сыну, с которым давно не виделась («ведь уж год скоро, как мы виделись»¹), о своих планах на лето и пыталась выяснить и его намерения. Она неоднократно выражала желание жить с сыном в Москве, в письме постоянная просьба устроить это изменится: «Страшно хотелось бы мне побывать у тебя в Москве, но не хочется стеснять вас, а хотя Агния и приглашала меня к себе, но ввиду того, что она не написала даже мне письма, как обещала, ее словам я не могу придавать серьезного значения. Кроме того я ужасно обтрепалась в одежде за это время и избегаю показываться в люди»².

Надо пояснить, что Сергей Михайлович Эйзенштейн жил в Москве на Чистых Прудах, в квартире, когда-то принадлежавшей отцу Максима Максимовича Штрауха. М.М.Штраух подружился с С.М.Эйзенштейном еще в детстве, поскольку летом отдыхал на Рижском взморье. Когда приехавший в Москву Сергей Михайлович был однажды узан Штраухом среди зрителей Камерного театра, то он обрел в столице кров—Максим Максимович отдал ему одну из своих комнат в квартире, ставшей к тому времени коммунальной. Отсюда в письме Юлии Ивановны—«не хочется стеснять вас».

Однако для нас гораздо интереснее упоминание некоей Агнии. Поскольку ни сын не был в Ленинграде около года, ни мать тоже не приезжала в Москву, то остается лишь один вариант: эта самая Агния некоторое время тому назад (скорее всего—в мае) была в бывшей столице, где и познакомилась с матерью Эйзенштейна и даже приглашала ее к себе.

Не будем интриговать читателей: речь идет об Агнии Александровне Касаткиной, сокурснице Эйзенштейна в годы учения того у Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Следовательно, Агния и Сергей были знакомы к этому времени уже почти три года.

Поэтому понятно желание матери узнать о намерениях сына:

«Как твои “шалости амура”—можешь поделиться и этим, знаешь, что меня это интересует не меньше твоей работы»³. Нет ничего естественнее для матери, как быть в курсе любовных (или matrimониальных) намерений сына.

Далее следует конкретный вопрос: «Уехал ли муж Вер. в Америку?»⁴ Конечно, можно предположить, что речь идет о Вере Януковой, страстное увлечение которой сыном приходится на период работы над спектаклем «На всякого мудреца довольно простоты». Однако это увлечение завершилось фиаско Сергея Михайловича как мужчины. Так что чей муж собирался в Америку, выяснить не представляется никакой возможности. Эйзенштейн не удосужился и в этом случае ответить матери—в 1924 году он вообще написал ей до лета только одно письмо—31 марта.

Свою заинтересованность в Агнии мать объяснила сыну в письме от 5 июля: «Как жаль, что Агния не исполнила своего обещания и не только не выслала всех рецензий о тебе, но даже не написала ни строчки, я так надеялась, что через нее буду побольше знать о тебе, если действительно у тебя нет времени, а не нежелание писать мне»⁵.

Итак, Юлия Ивановна видит Агнию как своего рода пресс-секретаря при обретающем славу сыне и как информатора. Игра идет в открытую. Или она лукавит? И Агния Александровна приезжала в Ленинград как будущая невестка, чтобы познакомиться с будущей свекровью?

Пожалуй, настало время представить ту, с кем мать Эйзенштейна связывала не совсем ясные для нас надежды (и благодаря которой мы можем узнать нечто новое об Эйзенштейне).

Ниже публикуются шесть документов из архива учебных заведений В.Э.Мейерхольда и одно письмо из его архива.

1921

Театральная автобиография
А.А.Касаткиной

студентки I курса
Госуд[арственных] Высш[их]
Режиссерских Мастерских

Вкратце

Роль театра в моей жизни

(Род.—1903 г.—Безвыездно живу в Москве)

Говоря в двух словах—

начиная вести счет с самого раннего детства, с поры возникновения понятия о театре—могу определить следующие любопытные этапы на пути к сиюминутному моему осознанию как цели его, так и средств, материала—реализовать эту цель.

А именно:

- 1) цирк и танец (от 5-ти до 12-ти лет).
- 2) «Лаборатория переживаний» («Худ[ожественный] театр»)—(от 12-ти до 14-ти).
- 3) Революция. Духовный сдвиг. Полный театральный сумбур и тупик (от 14-ти до 16-ти лет).
- 4) Период исканий—в области фетишистических бредней неврастенического индивидуалиста—«Камерный театр» (16–17^{1/2} лет).
- 5) Наконец-то—

время полного отрицания всех существующих видов искусства—театра в частности—и подход к моему современному пониманию и определению театра—как строителя, организатора культуры человечества—этим самым организуя всю жизнь в ее целом; к театру как гигантскому орудию строительства гармонического, здорового и сильного—нового квалифицированного человека Будущего.

Материал[ом] театра как орудия организации Мира—является *органически-гармонический синтез ритмических, конструктивных, рельефно-красочных, действенно-звучных форм.*

Эти формы должны (говорю о «содержании») преподноситься в виде динамико- фантастических образов.

(Ремарка: мое представление о «Театре Будущего».

Будущий Театр—развернув глубину сво[ей] динамики до максимума—обострит свои образы до полной беспредметности форм своих).

А.Касаткина 19 9/X 21⁶

А.А.Касаткина—В.Э.Мейерхольду

19 1/XII 21

Всеволод Эмильевич.

Вынуждена завтра уезжать в санаторий лечиться.

Приеду через месяц—

и надеюсь, что тогда смогу нормально работать.

Всеволод Эмильевич.

Если я себя не «выявила» до сих пор, недостаточно активно работала—то это лишь вследствие моей болезни.

Хотела Вам это давно сказать,

т.к. можно понять, что я просто недостаточно «хотела» или могла.

Хочу работать я страшно.

И надеюсь —

что по приезде моем из санатория—догоню всё,

т.е. уверена даже.

Ваша ученица

I курса Гос[ударственных] Высш[их] Режиc[ерских] Маст[ерских]

Агния Касаткина⁷

В Государственные Высшие Театральные Мастерские

Заявление

Агнии Касаткиной

В виду того, что отсутствие мое из Мастерских было вызвано исключительными обстоятельствами—болезнью—

прошу вновь зачислить меня в число студентов I курса ГВЫТМ.

А также, принимая в расчет то обстоятельство, что после болезни трудно было бы совместить работу в Мастерской со службой,

тем более что работать в Мастерской намереваюсь усиленно, догоняя пропущенное во время болезни—

потому прошу зачислить меня также вновь в список стипендиатов.

В обратном случае я буду вынуждена работать по утрам в учреждении, что вряд ли приведет к продуктивным для работы результатам.

(Конечно, это положение исключительно только обосновываю своим только что оправившимся здоровьем.)

11/III—22 *Агния Касаткина⁸*

Анкета ГВЫТМа

1. Касаткина Агния.
2. Девица.
3. Родители оба педагоги.
- 4–5. В данный момент безработная, т.к. не могу найти работы. Бросила службу в Пролеткульте по болезни, а до того работала в Росте.
6. Новинский—52—22.
7. Определенных заработков не имею.
8. Столярное плохо.
- 9–10. Никаких не «знаю», но могу и имею желание всякие исполнять и знать.

20.V.922 *Агния Касаткина*⁹

В Правление ГИТИСа
студентк[а] II курса Агния Касаткина

Прошу зачислить меня в число студентов Мастерской В.Э.Мейерхольда.

Агния Касаткина

10.X.922 г.¹⁰

1. Фамилия, имя, отчество *Касаткина Агния Александровна*
2. Адрес *Воздвиженка 20*
3. Служебн[ый] адр[ес] —
4. Год и место рождения *1903—Москва*
5. Служба
6. Семейн[ое] положение *Живу одна*
7. Образование *среднее*
8. Социальное положение *интеллиг[ент]*
9. Специальность, род занятий,
профессия *театр—студент ГИТИС*
10. Сколько лет работал
в данной области *1½ года*
11. Где и чем заним[ались]
последние 5 лет *Служила (Роста, Пролеткульт)*
12. Работала в театре в качестве
акт[ера], реж[иссера], драматурга,
литер[атора], музык[анта], художн[ика],
балетмейстера *учащаяся*
13. —
14. На каком инструменте играет *Очень мало на рояле*
15. Поете ли *В данный момент порвала связки. Лечу.*
16. Под чьим руководств[ом]
работали
Труды по театру —
18. Военская повинность —
19. Социальное полож[ение]
(по родител[ям])

20. Состоите ли членом Рабис'а
и с как[ого] года *Состояла 2 г. назад*
21. № чл[енской] книжки
22. Состоите ли членом партии *беспартийная; сочувств[ую] РКП*
23. Делегированы ли и кем —
24. Какими видами физкульт[уры]
занимаетесь *немного спорт, акробатом*
25. Получ[али] ли в Гитис'е
стипенд[ию] или паек *Нет*
26. Днем или вечером желаете
заниматься? *Днем*

21 I *Агн[ия] Касаткина*

1923 г.

3

II

В производстве не участвует.

Занятий с начала года не посещала¹¹.

Тов. Темерину, инспектору мастерских

В виду того, что врач запретил мне 3 месяца разговаривать иначе как шепотом (я сорвала глотку и сильный катарр в результате)—прошу меня временно освободить от участия в постановках.

12 II 23 *Агния Касаткина*¹²

Документы дают хоть какое-то представление о происхождении, социальном положении и умениях достаточно молодой девушки: из интеллигентов, увлекавшаяся театром,—заметим, не Малый (консервативный или—мягче—традиционный), не Корш (коммерческий), а Художественный (психологический) и Камерный (модернистский); быстро овладевающая авангардистской терминологией. Однако мало что умеющая, лишенная целеустремленности, часто болеющая (а может быть, и пренебрегающая систематическими занятиями).

Интересно, что она оставалась в числе студентов, хотя никаких успехов не демонстрировала и больше пропускала занятия, нежели проявляла какие-то особые дарования.

Как бы там ни было, но в эти годы ее что-то связывало с Сергеем Михайловичем. Об этом свидетельствуют четыре письма 1923 года (если быть совсем точными: одно письмо и три записки), сохранившиеся в архиве режиссера, по которым можно составить—пусть и смутное—впечатление о событиях, достаточно важных для молодого Эйзенштейна.

Первое из них датировано 1 мая 1923 года¹³. Поскольку оно чрезвычайно важно для понимания предыстории документированных отношений однокашников, то воспроизводим его по возможности без искажений, сохраняя и строфику, и графику:

А.А.Касаткина—С.М.Эйзенштейну

1

так как очень трудно об этом говорить—
приходится сообщать в письменной форме.

—Милый Эйзенштейн

Больше не относись ко мне
принужденно и «осторожно».

Я тебя больше НЕ ЛЮБЛЮ.

(т.е. как единственного
человека в мире но также
люблю как товарища).

Мне очень неловко перед тобой
за всю эту историю—но ты
прости: я любила I и м.б. послед-
ний раз в жизни—это правда.

Ты хороший человек, и отнесешься
культурно.

Привет—

аКасаткина

Москва

I.V.923

Двадцать лет спустя, 2 декабря 1943 года, Эйзенштейн написал в Алма-
Ате (в горах, в доме отдыха) текст о своем упоении произведением Дэвида Гер-
берта Лоуренса «Святой Мавр». В него был включен фрагмент воспоминаний
об Агнии, где есть две строки:

«Агния травилась.

Я ушел с Веркой Януковой»¹⁴.

Надо понимать, что имела место попытка суицида.

Мы убеждены, что в своих воспоминаниях «Эйзенштейн и женщины»
Юдифь Глизер (жена М.М.Штрауха и ученица С.М.Эйзенштейна) описала
именно этот эпизод:

«...рассказать я собралась о С-ой. Итак—С-а. Близко я ее не знала. Была
она пролеткультовкой, где занималась—точно не помню: не то в литературном
кружке, не то на режиссерских курсах. Помню только, что выделялась она своей
интеллигентностью, манерой одеваться—внешностью она скорее напоминала
журналистку. Светло-серый костюм, обязательно белая кофточка. Аккуратная
блондинка с каким-то оттенком задумчивой романтики и светлые, светлые во-
дянистые глаза, почти белесые.

Она всегда много и долго беседовала с Эйзенштейном. Их так часто виде-
ли вместе, что начали уже подтрунивать—С-а, мол, влюблена в него.

Однажды мы разразились вечеринкой. Да какой роскошной—да с танцами,
да с играми, да с пением и куплетами. И так до самого утра. Никакие силы не
могли нас заставить покинуть морозовский особняк на Воздвиженке. Шум, гам,
музыка, хохот—все громче, все веселее, как вдруг... Трах! Выстрел!!! Поначалу
многие даже и внимания не обратили. Думали—показалось. И только, когда

кругом забегали, засуетились, начали звонить в скорую помощь, поняли, что случилось. Веселье оборвалось. Оказывается, С-а не придумала ничего лучше, как объясниться на этой вечеринке Сергею Михайловичу в любви и в доказательство одной прямо на его глазах пустить себе пулю в сердце. Стрелком она была, очевидно, неважным, потому что рана оказалась совсем неопасной и через некоторое время она благополучно вышла из больницы»¹⁵.

Сначала о дате «вечеринки». 22 и 26 апреля 1923 года состоялись прогоны спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» (генеральная репетиция—5 мая, а премьера была сыграна 8 мая). Уже на прогонах выяснилось, что спектакль ждет большой успех, что вскоре и подтвердилось многочисленными рецензиями и шумным одобрением публики. Думается, эта самая «вечеринка» могла состояться между 26 апреля и 1 мая (безусловно, праздничный день в то время). Тогда понятен ее размах и ее оправданность. Ведь спектакль репетировался с октября 1922 года (руководитель Пролеткульта В.Ф.Плетнёв порывался его запретить, не ожидая от этой постановки ничего хорошего).

Влюбленность Эйзенштейна в звезду спектакля—В.Янукову была очевидна для всех, а ее успех в роли и как женщины, без всяких сомнений, вызвал пароксизм ревности у другой женщины, влюбленной в режиссера.

Что касается внешности Агнии Касаткиной, то достаточно увидеть ее фотографию (см. оборот первого листа вклейки между страницами 384 и 385 во втором томе «Мемуаров»), чтобы адекватно оценить и ее внешность, и манеру одеваться—она, конечно же, из интеллигентов (не из пролетарок). Не случайно же матушка Сергея Михайловича рядом с Агнией сразу почувствовала, что «ужасно обтрепалась в одежде».

Понятна и дата этой записки Агнии Сергею Михайловичу—ей не хотелось, чтобы в праздник у него были негативные эмоции.

Впрочем, их не могло не быть даже при сравнительно благополучном исходе. Вот что написано о его реакции на произошедшее:

«Когда скорая помощь увезла ее, мы бросились искать Эйзена. Уже светало. Он сидел в “оленьей комнате” на диване. Вид у него был невероятно озадаченный. Но какая-то презрительная улыбка блуждала у него на губах. Мне казалось, что именно в эти минуты он решил не очень-то подпускать к себе женщин»¹⁶.

Это утверждение Ю.Глизер резко расходится с реальностью. Во всяком случае, отношения Сергея Михайловича с Агнией не прервались.

2

Тифлис
8.VIII.23

Мой дорогой т.Эйзенштейн

—Ты извинишь, что захотелось поболтать с тобой.

Сию в тифлисском «плёну».

Положение неделикатное.

Ни чорта не знаю о Москве.

Арватов¹⁷ не пишет уже месяц. Тебе сволочу я писала, дала адрес (Арватов передал?)¹⁸.—Тоже безответно.

А чертовски хочу знать о твоих работах.—Что Кулешов?¹⁹
Досадно, что не увижу «Мудреца»—на Выставке²⁰. Не поспею. Вряд ли.—
Я до того вульгарно соскучилась по Москве, работе, друзьям, и...
тебе—что становится более чем непонятно мое присутствие тут.

Живу в лучших отелях по милости ЦК Грузии. Много кино. Идут «Мабузо»²¹, «Тарзан»²². Пекут уже 4-ую свою фильму («Красные дьяволята»²³). Скоро покажут в Москве. Исследую «Шахсей-Вахсей». Шатаюсь в ОКА²⁴. Дисциплина—красота! «Олимпиада», по-моему, лучшая в мире. Осенью победят Москву. Спорт развит в Армии здорово.

Да, тебя это очень интересует. Здесь на каждой улице—в каждом доме—«кофэ». А в каждом «кафэ» в каждом доме на каждой улице—публичный и увеселительный темп жизни. («Духаны».) Живут весело. Ездят на ослах и верблюдах.

—А старый Тифлис.

Ты не был? Замечательно.

Изломанный, узкие улицы, балконы, желтый охровый цвет надписи. Все типично. Больше чем замечательно.

Вечером кутим в горах.

Ну, я тебе надоела.—Некогда, работа, «Лига времени»²⁵ и проч.

Прощай.

Меня очень беспокоит твой невроз. Приеду—расскажешь.

Ну—будь умником и береги себя.

С товарищеским приветом.

Целую.

*Агния Касаткина*²⁶

3

Милый Эйзенштейн

Приехала. Очень хочу тебя видеть, но притти в Пролеткульт не могу несколько дней по разным причинам.

«Если мы по-прежнему друзья»—устрой со временем и местом вне стен Пролеткульта.

Привет

Агния Касаткина

Москва

25.IX.23 12 ч. ночи²⁷

Письмо из Тбилиси и записка по приезде—свидетельство очень близких и доверительных отношений, установившихся между Эйзенштейном и Агнией летом 1923 года. Как видим, она в курсе всех его дел. Более того, уже заботится о его психическом состоянии.

Она продолжает учиться у Мейерхольда, но приезжает в Москву с большим опозданием. Причина—простая: Мастер, впервые после революции выехавший за границу, вернулся домой в середине сентября.

О том, что студентка Касаткина продолжала учебу, мы узнаем из следующей записки, важность которой для понимания ситуации, в какую попал Эйзенштейн в Гэктемасе, трудно переоценить.

Записка сохранилась частично: нижний край листа оборван, по оставшимся фрагментам букв можно понять, что далее следовало: «Милый Э» (либо Эйзен, либо Эйзенштейн). Слово «выгоним» подчеркнуто А.Касаткиной четыре раза. На обороте листа помета в 4 строки: «Записка/ А.Касаткиной/ к записке/ З.Райх». У нас нет уверенности, что это написано Эйзенштейном.

Из этой записки явствует, что Эйзенштейн знал о том, что будет изгнан из учебного заведения Мастера до того, как решение было оформлено официально.

4

Сергей Михайлович

Добавление к сообщению о вчерашнем заседании режфака.

Рейх²⁸ заявила: «Мы скоро Эйзенштейна *выгоним*. Пусть режфак это знает, что через несколько дней мы его выгоним». Это буквально ее слова:—Еще «Э. занимается плагиатом, кроме дисциплинарных нарушений». (Сволочь проклятая, Рейх!)²⁹

Записка не датирована (или дата была на оторванной части листа). Постараемся определить время, в которое эти события могли происходить. Речь велась о «плагиатах» и «дисциплинарных нарушениях». Что касается «плагиатов», то здесь трудно что-либо доказать или просто отождествить: само понятие художественной традиции размывает доказательность, делает выводы весьма неопределенными, относительными. Любое заключение вызывает споры. Легче разобраться с нарушителями дисциплины.

Тем более, что в своем заявлении от 6 (или 7) января 1924 года с протестом против «исключения из Экспериментальных Мастерских» в качестве «дисциплинарных нарушений» Эйзенштейн упоминает «отсиживание дежурств у прожектора»³⁰.

Нам удалось установить, что речь идет о спектакле «Земля дыбом». В нем группа студентов актерского отделения должна была по ходу действия выносить гроб—это был один из ключевых эпизодов спектакля, где требовалась особая выразительность траурного шествия. Студенты-режиссеры («3 человека») должны были «сидеть у прожектора», т.е. осуществлять световую партитуру спектакля. О необычном решении света в постановке писали многие рецензенты.

Имя Эйзенштейна последний раз присутствует в списке студентов II курса режиссеров, из которых и назначались «3 человека», 1 декабря 1923 года³¹. В списке на 18 декабря³² его имя уже не значится. Оно ни разу не встречается среди тех, кто фактически являлся на спектакль и исполнял функции мизансценирования света. Нарушение дисциплины было систематическим.

Думается, предупреждение Райх можно отнести к периоду между 1 и 18 декабря. К тому же периоду следует привязать и записку А.А.Касаткиной.

Еще предстоит выяснить, когда был издан приказ об отчислении студента С.М.Эйзенштейна из Гэктемаса (думается, скорее всего, это произошло в самом начале января 1924 года).

Не вызывает сомнений, что учебное заведение Мейерхольда покинула и А.А.Касаткина (легко предположить, что посещение занятий после того, как из мастерских был изгнан объект ее чувств, потеряло для нее всякий смысл).

Следующие полгода не оставили никаких документов.

И вдруг случился «эпистолярный взрыв»—за два с небольшим месяца (июль—начало сентября 1924 года) восемь писем: шесть адресованы Ю.И.Эйзенштейну и два С.М.Эйзенштейну. В них запечатлена кульминация отношений Агнии и Сергея Михайловича. Кроме того, содержатся сведения о его образе жизни во время съемок фильма «Стачка». Они, на наш взгляд, одни из самых интересных для обрисовки психологического склада молодого Эйзенштейна: некоторые наблюдения Касаткиной показывают его в самых неожиданных проявлениях.

А.А.Касаткина—Ю.И.Эйзенштейн

5

Милая Юлия Ивановна

Давно Вам не писала, т.к. все ждала, что Вы ответите, а т.к. письма от Вас не получала, то думала, что Вам не до этого сейчас. Решила подождать. Да и у меня была кутерьма—дальше расскажу. Вчера узнала, что человек, кот[орому] я во время болезни поручила отправить Вам заказное (там же несколько вырезок из журнала), уезжал и это мое поручение не исполнил. Я была страшно возмущена, и хотя письмо устарело, просила все-таки немедленно его отправить. Так что выходит, что Вы не получали от меня ни строчки и приписываете мое молчание очевидно очень глупой забывчивости⁵³.

Как Вы живете? От Сережи я знаю о Вас очень немного. Было бы чудно Вам выбраться в Москву хоть ненадолго, правда? Ведь Сережа все лето будет работать над фильмом⁵⁴. У меня дома сейчас просторно, все, кроме меня и отца, уехали на Кавказ, и Вы могли бы хорошо и удобно устроиться. Пишите мне свои планы по этому поводу. Вообще я очень хочу знать, милая Юлия Ивановна, как Вы живете во всех отношениях? Если у Вас в Москве очень заняты, а я все очень старательно выполняю.

Я сейчас, кроме газет, работаю много [над] иностранными языками, танцую, езжу верхом. Т.к. мама и прислуга уехали, хозяйничаю, варю обед и т.п.—все успеваю, хотя нет свободной минутки.

Должна Вам сказать, что с Сережей мы видимся теперь гораздо чаще, он приходит ко мне,—вообще я очень счастлива, что он больше со мной (с Верочкой⁵⁵ все кончено),—но тут ничего не может быть больше, Вы поймете; он относится ко мне так же, как прежде, только внимательнее и лучше. А я... Вы понимаете.

Его работа по съемке очень нервная, утомительная и требующая огромного напряжения. Иногда, напр. вчера—съемка началась в 6 час. утра—и до вечера, под палящим солнцем, а если солнца нет—снимать нельзя, это еще хуже. Утешение то, что очевидно фильма выйдет очень удачной и интересной.

И такой работы еще 2-3 месяца! Сережа и сейчас выглядит неважно, и отдыхать некогда. Хочу его уговорить поехать хоть на 2 дня куда-нибудь под Москву—но мало надеюсь на успех.

Сейчас надо кончать⁵⁶.

Дорогая Юлия Ивановна—пишите—я буду очень рада.
Пока привет—крепко целую.
Ваша *Агния Касаткина*

Москва, Новинский 32—кв. № 22
I.VII.24 Агнии Касаткиной³⁷

6

[4 июля 1924]

Милая Юлия Ивановна!

Третьего дня отправила Вам письмо и после деньги от Сережи. Он у меня был вчера, очень расстроенный, что его помощники ленятся и плохо ему помогают; ругал их последними словами³⁸. Дни стоят жаркие, и фильма работаете вовсю. Сережа сплошь да рядом делает такие глупости, что работает с 8-ми утра и до вечера без перерыва и обеда, и вечером еле жив. Я его здорово ругала за эту несознательность.

Кстати. Мы поспорили. Сережа говорит, что, если он Вас очень попросит, Вы покажете ему мои письма, а я говорю, что нет. Кто прав?

Милая Юлия Ивановна!

Во-первых, почему в письме Вы называете меня так торжественно по имени-отчеству?

Во-вторых, Вы спрашиваете, приехать ли Вам прямо ко мне? По-моему—да. И чем скорее, конечно, тем лучше. Телеграфировать ли? Это было бы лучше, я бы Вас встретила на вокзале. Телеграфировать кратко, что в такой-то день выезжаете, напр.:

—«Выезжаю двадцатого»—

и это все. Новинский, тридцать два, *Касаткину*.

Буду ждать. Сережа очень хочет Вас видеть, только жалеет, что так занят сейчас и что Вы будете с ним мало. Итак—приезжайте скорее.

Мы с Сережей очень ссоримся (не надолго) из-за разных вещей. Ссоры сопровождаются дракой и рванием белья, взаимно, но Сережа во всем бывает виноват. Вчера он стащил у меня письма—и мы долго дрались из-за них, потом, приобретя их окончательно, он выпрыгнул из окна и, прочтя их, влез в окно по водосточной трубе. Я звала на помощь отца, но он окончательно на его стороне, и вообще было весело. Потом Сережа очень мило просил у меня прощения.

Ну, вот видите, какой он.

Не знаю, придет ли сегодня, но хотел, если будет свободен.

Да. Он мне всегда говорит, что я на него почти не «действую», а что В. вначале порядочно даже действовала. Я отвечаю, что он на меня тоже не действует... но это неправда.

Он Вам вчера хотел написать длинное обстоятельное письмо³⁹. Сегодня спрошу, написал ли.

Еще. Сережа ругает меня за то, что я моюсь мылом Ралле; правда, ужасно придирается?

Ох, милая Юлия Ивановна, Вы поймете, как я люблю этого противного, милого дорогого единственного—св...

Я не верю в то, что он меня когда-то полюбит, и это очень тяжело. Он просто так.

Ну—пока крепко-крепко Вас целую. Жду, очень жду Вас.

Ваша *Агния К.*

4.IX.24

Москва⁴⁰

7

[25 июля 1924]

Дорогая Юлия Ивановна

Сегодня приехала (уезжала к знакомым на 3 дня на дачу) и получила Ваше письмо. Очень-очень рада. Теперь буду Вам писать часто-часто. У меня такая тоска, такое мрачное состояние. Живу по-прежнему: в газетах работаю мало, т.к. много времени занимает хозяйство отца и верховая езда и т.п.

Сережа на днях должен вернуться из Коломны, куда он поехал (он Вам писал?) для проведения съемок со всем своим коллективом⁴¹.

По его словам, от исхода этой работы зависит очень многое. Я очень волнуюсь, т.к. масса внешних препятствий должны мешать работе, особенно плохая погода. Но по сведениям, которые удалось получить в Госкино, они там сделали очень много и хорошо. Я очень просила Сережу написать хоть два слова по этому поводу, но это безнадежно, Вы знаете. Он сам измотался, и воображаю, как напряженно и нервно сейчас работает. Последние дни перед отъездом он выглядел заметно лучше: не было синяков под глазами, хорошо загорел (он такой красивый!) и говорит, что это оттого, что «хорошо поработал».

Последнее время мы виделись часто, в свободные вечера он заходил и был подолгу. Бедный, он так уставал, что еле-еле держался на ногах. Последние два раза я его даже не отпустила—уложила в кровать.

Я не дождусь, когда он придет. Пусть он не так относится, но без него совсем такая тоска, просто невозможно. Правда?

Он смеется, говорит, что я его считаю «неотразимым»! Но ведь Вы же знаете, какой он замечательный, чудный во всех отношениях. Ему это говорить нельзя, а то он будет издеваться, да и я не способна объясняться в любви, но я очень рада, что имею возможность (потому что Вы такая чуткая!) сказать это Вам.

На днях он придет—и я много-много напишу Вам обо всем.

Сережа хочет, как только придет, ездить верхом и танцевать. Это хорошо!! Надо же, правда, немного отвлечься от одного и того же.

Милая Юлия Ивановна. Как хорошо бы, чтобы Вы приехали. Напишите *подробнее* Ваши планы на этот счет.

Вы знаете, уже 3 1/2, а я хочу отправить письмо заказное (до 4-х).

На днях напишу подробно и много.

Жду от Вас письма.

Крепко целую.

Любящая Вас *Агния Касаткина*⁴²

8

[после 25 июля]

Милая Юлия Ивановна!

Я сегодня буду писать Вам невероятные глупости, которые Вы мне простите.

Во-первых, я обещала Сереже, что пожалею Вас: он мне—ну, невероятно больно—прокусил губы вчера! Как, по-вашему, это называется?..

«Тяжелого состояния» у меня почти нет.

Ну—остальное надо рассказывать, писать очень сложно, да и ничего особенного.

Вот новости. Фильма работает успешно. Сережа говорит, что в Коломне сделали много, несмотря на то, что погода подвела.

Сережа начал ездить верхом и сразу же наложил всем своим «классным» ездокам; берейтор говорит, что у него исключительные способности. Да и к чему у него их нет?..

Я тоже часто езжу верхом. Кстати, меня Сережины пролеткультовцы очень обидели недавно по этому поводу, т.к. я за короткое время перегнала их в работе. Ну, да такая грязь, что писать не хочется. Расскажу потом.

Наши домашние—мама и дети—еще не приехали, приедут только через месяц. Моя мама спрашивает в письмах, приходит ли С. ко мне и как.

Ну, что я могу написать?

Мы с Сережей тот факт, что он приходит иногда («прокусывает губу»), держим в строжайшем секрете, чтобы не давать повода милым сплетникам говорить гадости. Правильно?

Милая Юлия Ивановна! Жду ответа еще на прежнее письмо и на это. Очень-очень жду в Москву. Приезжайте просто ко мне. Да?

Сейчас тороплюсь идти.

Целую. Ваша *Агния*⁴³

9

[начало августа]

Милая Юлия Ивановна!

Жду и не получаю от Вас писем; отправляю третье без ответа.

Когда приедете? Жду.

Только что ушел Сережа, он был у меня; ровным счетом 23 часа. Это страшная редкость, что он может так вырваться. А я так скучала, не видя его 6 дней! Должна была ехать сегодня верхом на состязания на Воробьевы горы, но, понятно, отменила.

Сережа—или состязания!!.. У меня, конечно, губа помазана йодом, как всегда... (Я Вам писала?)

Сережа что ни слово—то дразнит и злит меня, и получается драка, но очень милая драка. С ним умрешь от хохоту.

Вы знаете—он страшное количество сырой воды поглощает; просто невероятное; надо узнать, не вредно ли?

Вчера он показывал мне фотографии киносъемки и свою новую (очень интересный) и сказал, что завтра же (т.е. сегодня) пошлет Вам, хоть она у

него и в одном экземпляре. И хотел тут же, у меня, написать Вам «обстоятельное» письмо.

Сегодня, как это бывает часто с ним, на него вдруг нашел какой-то стих (по его словам, потому что он переспал), и на мое напоминание, кажется, вполне тактичное, очень резко и довольно грубо заявил, что не будет сейчас писать и не желает со мной говорить на эту тему... хотя вчера сам просил меня это предполагаемое письмо отправить.

Меня это очень укололо и было до конца неприятно.

Но это с ним бывает, такие настроения вдруг. Но вообще он такой хороший. Он очень «повзрослел» за последнее время, если так можно сказать о вполне взрослом человеке. Даже лицо стало такое решительное, «каменное».

А я его дразню, что у него «глупая физиономия», когда он говорит всякий вздор и «гадости», которые мне очень нравятся исключительно в его исполнении.

Вы смеетесь, что я пишу Вам такие бессодержательные письма? Но я сейчас иначе не могу. Вы понимаете.

Да. Отдых Сережа думает себе устроить только в октябре и ехать в Каир (!)—но это миф, ясно.

Да. Вообще Вам ничего не остается сказать «какая глупая девочка»? Верно?

А пока крепко целую и жду. Ваша *Агния*⁴⁴

Здесь все-таки надо кое-что объяснить, чтобы поведение Эйзенштейна не походило на эскапады миллионера из «Огней большого города»: вечерами, напиваясь в стельку, он чуть ли не братается с бродягой Чарли, утром, трезвея, выгоняет его из своего особняка. Дело было совсем не в том, что Сергей Михайлович «переспал» и потому потерял охоту писать матери. Суть была в том, что он не знал, что ей ответить. Они находились как бы по разные стороны баррикады. Режиссер снимал первый «пролетарский» фильм, речь в нем шла о бунте угнетенных рабочих против владельцев завода, тех, кто лишен элементарных условий для жизни, против тех, у кого есть все и кто буквально с «жиру бесится». Мать же писала своему «бесценному Сереже», что у нее нет средств платить налог за квартиру; что она не может выручить деньги за семейные бриллианты, поскольку официально их можно продать только за бесценок; что один ее брат уже четыре месяца как арестован, а его жена заболела, и Юлия Ивановна вынуждена носить ему передачи, хотя у нее самой плохо с ногами и ей необходимо съездить на лечение в Крым; что другого ее брата арестовали через два дня после того, как он вернулся из Москвы («от тебя»,— уточняет мать,— может быть, тот снимался в «Стачке»?) и т.д. и т.п. Что он мог написать в ответ? В очередной раз рассказать о своих успехах в театре и кино?

Конечно, можно еще раз глубокомысленно порассуждать об эгоцентризме художников. Об особом складе творцов прекрасного. В конце концов, о производственных сложностях работы театрального коллектива Пролеткульта в новом революционном виде искусства. Да мало ли еще о чем!

Однако главное в другом: для Эйзенштейна, принявшего революцию (или смирившегося с ней как воплощением воли и силы истории), ставше-

го художником революции, его многочисленные родные—мать, дяди, тети и несть им числа!—становились «чужими», «бывшими», теми, кто мешал построению, приближению рая «светлого будущего», им не находилось в этой утопии места.

Оставалось молчание, если перефразировать Гамлета.

Однако вернемся к нашим письмам.

А.А.Касаткина—С.М.Эйзенштейну

10

Сочи

5.IX.24

3-го приехала. Здесь настолько хорошо, что я думаю остаться дольше, чем предполагала.

Наши уезжают завтра. У меня осталась огромная комната с балконом, откуда, по словам туземцев, лучший вид на Сочи, в моем полном распоряжении фруктовый сад, где масса роз, пальм. Прямо, чорт знает, как хорошо! Уже по дороге, в поезде, я составила кавалерию из 6-7 человек, будем ежедневно ездить верхом—хорошо?!

Я думала—уже и здесь немного осень—однако стоит такая дикая жара, что не продохнуть, море такое теплое, замечательно!

Мне кажется, что при желании ты мог бы устроить так, чтобы приехать сюда, хоть ненадолго. Каир может быть своим чередом. Ты не злился, что я так пишу. Я великолепно понимаю, до какой степени ты занят и насколько важна работа сейчас, но тебе необходимо отдохнуть, а здесь все удивительно приспособлено для отдыха. У меня уже нервы совсем успокоились и, надеюсь, скоро окрепнут.

Обо всем после напишу подробно.

Мой адрес: Сочи Кубанско-Черноморской области. До востребования.

Жду твое письмо. Не откладывай, пиши сразу.

Юлии Ивановне поклон. Ей напишу отдельно⁴⁵.

Я не знаю, куда тебе удобнее писать, в Пр[олеткуль]т или домой. Напиши на будущее об этом. Напиши о своем здоровье, работе. Что нового? *Что сняли* за это время.

Ну—пока.

Жду письма.

Всего

Агния

P.S. Не набрал ли ты себе кооперативный штат⁴⁶, как хотел?

Я, кстати, очень рада, что мои милые «любители»-акционеры еще не подавались в окрестности Сочи.

Как глаз? Губа? (Што б'ей⁴⁷ подольше болеть!)

Ну—пока.

А.⁴⁸

Сочи
9 IX 24

Сергей Михайлович

Ты, очевидно, на днях получил мое письмо, так ответь поскорее. Я не знаю, может быть, скоро уеду из Соч в Сухум или Гагры, там есть первобытная негритянская колония, меня туда зовут ознакомиться с бытом и пр. их. Конечно, это замечательно интересно. На днях выяснится, поеду ли, и если поеду—то когда.

Главное—напиши скорее. Скучно и т.д.—Ты понимаешь, надеюсь, не надо лирических излияний.—У меня тут самопроизвольно набрался кооператив, но я ему много работать не даю.

Тут очень хорошо. Ездил раз верхом на казацком седле на такой лошадке, каких и в помине нет в манеже. Летит как дьявол.

Тут масса московской сволочи, и я всячески скрываюсь от их притязаний и предпочитаю встречать туземцев.

Слушай, неужели же ты не можешь приехать?

Как у Юлии Ивановны с комнатой?

Еще не приехали эти ваши жильцы? А то она может у меня устроиться.

Мама знает.

Как твои невроты?

Если ты мне не напишешь более или менее подробно, как идет съемка, то будешь последней дрянью.

Сказал ли ты Юлии Ивановне о наших с тобой похождениях и вранье в связи с мылом, ночевкой и пр.?

Ну—и как?—ответь.

Я уже вдвое поздоровела за эту неделю. Истерики нет никакой, а что было. Заплывала в перегонки, так что берега не видала. Чудно!

Ну—пока.

Пиши

Ак⁴⁹

При прочтении этих двух писем (особенно второго) читателем овладевают противоречивые чувства. Конечно, хочется порадоваться вместе с молодой женщиной охватившей ее радостью: море, сад, фрукты, замечательная погода, лошади и т.п. Но одновременно изумляешься странной их интонации—слишком раскрепощенной, переходящей грань амикошонства,—оттенку «капризной повелительности», скорее подходящей содержанию, чем другу или товарищу.

Может быть, такое восприятие подкрепляется и знанием того, что эта поездка в Сочи подвела итог отношениям Агнии и Сергея Михайловича.

Следующая записка (вернее, приписка к записке Н.Касаткиной, видимо, родственницы Агнии), сохранившаяся в архиве Эйзенштейна, отделена от этих писем двумя годами.

Дальнейшее утверждение может вызвать раздражение у читателя (впрочем, мы можем добавить—«лицемерного»), но исследовательская дотошность обязывает нас предположить, что в августе наконец случилось то, об отсутст-

вии чего так сокрушалась Агния («он просто так») и о чем двадцать лет спустя Эйзенштейн написал: «Агния—первая, с которой я спал» (правда, только имя написано в автографе по-русски, остальное—по-английски).

Случившееся, по всей видимости, было оценено сторонами противоположно. Агния решила, что у нее появилось «больше оснований» (как она позже сформулировала) на внимание Эйзенштейна. Сергей Михайлович решил сохранить независимость.

Итак, перенесемся через два года.

12

Мое обещание всегда держу. В доказательство собралась отвезти Вам обещанную «перчатку». Не примите как «вызов». Впрочем—все равно. Хотела вышить на ней что-нибудь интересное—но раздумала: такого усердия Вы не стоите с моей стороны за Ваше внимание и милое отношение (1.80.66—Н.Касаткина).

Ну—прощайте.

Всего лучшего.

В «Новом Зрителе» Ваше письмо неподражаемо⁵⁰. Молодец.

АгнияК

P.S. Если захочешь—приходи.

Я буду очень рада, очень хочу тебя видеть.

*А.*⁵¹

13

Дорогой Сергей Михайлович

Очень хочу тебя повидать. Вспомни—ведь когда-то мы были друзьями.

Верно?

Если и на эту записку ты не ответишь—буду думать, что тебе неприятно меня видеть.

Крепко жму руку.

Любящая тебя

АгнияК

(Новинский бульвар 52, кв. 22

тел. 406—00 почти ежедн. 5—6)⁵²

14

Спасибо, что ответил. Я никак не ожидала этого. Я знаю, как ты занят, и помню, как безрезультатно я ждала твоих писем в Сочи, когда у меня было больше оснований на твоё внимание...

Карточка эта—фотография—действительно очень «натуральна» и «убедительна». Конечно, я ее сохраню—это единственная твоя фотография у меня.

О том, что ты в Ростове⁵³, я знала, написала, уж прости,—в пространство—не отдавая отчета, механически.

Почему я с тобой не поздоровалась у М.Дмитровки⁵⁴—объясню. Если помнишь дорогого учителя Фрейда⁵⁵—поймешь. Мне почему-то часто кажется, что я должна тебя встретить, и это настолько абстрактно, настолько не подтверждается реальностью—что на деле, когда встречаешь—тупеешь, кажется, что это «кажется». Верно. Что-то вроде «психоза». Но больше этого не будет. В общем—мое объяснение довольно глупое...

У меня ничего нового, ничего хорошего. Работа в газетах в порядке халтуры, занимаюсь языками, немного читаю, из очередного спорта—стреляю, и довольно прилично (из нагана, всяких видов винтовок). Вот и всё. «Кооперация» существует, как вечно, конечно, в новом почти составе, дело оказалось живучее, не см. на полную практическую его бесплодность. Если бы наша советская «кооперация» была такая настойчивая! Но все это теория.

ВОТ ты, я слышала, женился.

Это верно? На ком? От души поздравляю. Если ты счастлив—я очень рада. Но почему мне не верится? Наверное, это тоже «психоз».

Кстати, о психозах, неврозах, мозгах и т.п. Ты видел картину Пудовкина «Техника головного мозга»?⁵⁶ По-моему—хорошо, хоть можно было сделать гораздо интереснее, и просто—остроумнее. Но хорошо. Был просмотр, и после него я с ним долго говорила, он рассказывал о том, как он ее работал. Говорила я и с Радеком⁵⁷. Он заявил: «Пудовкин—прекрасный режиссер. Но картина недостаточна популярна». Говорила и с Залкиндом⁵⁸.

О «6-ой части»⁵⁹ молчу. Поговорим, если увидимся. С Верговым мы большие приятели, но...

Меня страшно интересует, что делаешь сейчас ты. Главная твоя беда в том, что после «Броненосца» ты должен всё и всех покрыть.

В Москве дождь, слякоть.

Зима никак не наступает.

А как ты устраиваешься с погодой?

Конечно, не прошу тебя черкнуть. Это вне всяких надежд. Когда приедешь—дай знать, если захочешь меня видеть.

Тоже жму, и тоже—руку.

С лучшим приветом

Агния Касаткина

P.S. Кстати о «жму». Кто эта славная девочка, на этой оригинальной фотографии? Она мне знакома.

А.

19 23/11 26 Москва⁶⁰

Развязка, прямо скажем, неожиданная: Агния наконец-то получила письмо от того, кого она продолжала любить. Может быть, ради такого конца нам и стоило корпеть над старыми письмами, разбирать незнакомый почерк, располагать в хронологическом порядке документы, стараться понять связь событий. Да, главное—понять последовательность событий и их связь между собой. Почему? Да потому, что сам Сергей Михайлович предпринял немало попыток эту связь разрушить, смысл мистифицировать, а существо когда-то произошедшего скрыть.

Однако сначала напомним опубликованные тексты.

Если верить атрибуции Н.И.Клеймана⁶¹, то самый ранний из них был написан в 1940 году. Эту «грустную историю» Эйзенштейн определил как «Роман в четырех тропах», где «элегия», т.е. пережитая им любовная история, «прошла по метонимии, метафоре, гиперболе и синекдохе». В центре истории «актриса К.», которая напоминала повествователю m-le Жерар, парижанку «из тех». После того, как литературные тропы пережили свои превращения, «барышня К. оказалась не менее снисходительной, чем m-le Жерар»⁶².

Признаться, эта беллетристическая дешевка (актриса уподобляется проститутке)—какой-то низкопробный розыгрыш, какой-то странный выверт фантазии Эйзенштейна. К Агнии Касаткиной, несмотря на заглавную К., все это не имеет ни малейшего отношения: та никогда не была актрисой, никогда не работала в театре с Эйзенштейном.

Следующие два текста написаны в 1943 году (датировка самого Сергея Михайловича).

Первый из них озаглавлен «Несколько личных соображений о табу» (датирован 22.I.1943). Приведем из него отрывок:

«Мне нравилась девица К. Процесс сближения шел очень длительно и трудно. Удивительно: я рисую очень бойко. В рисунке добиваюсь рефлекторной мгновенности перевода мысли-замысла непосредственно же в рисунок. Так учил А.Н.Островский мастерству актера, пользуя именно термин “рефлекторно”!

Сводя этап переложения до минимума. Стараюсь думать штрихом. Поэтому изгнаны из обихода резинка и предварительная прорисовка для будущей обводки.

Долго пытался ухватить К. на лист бумаги по памяти. Так же безуспешно, как и по ту сторону листа. Наконец поймал. И поймал характерность ее облика тогда, когда... ну понятно когда. Но отнюдь не в результате этого. Нет! Просто обе линии овладения, развиваясь в одинаковой равномерности, к одному и тому же моменту достигают завершения. Модель покорила и на бумаге. И в психологии согласия»⁶³. Дальше идея «постепенности овладения» довольно убедительно развивается Эйзенштейном.

Здесь «девица К.»—скорее всего, Агния Касаткина (вспомним ее ответ в анкете—«девица»). И характеристика «процесса сближения» верна. Но сопоставление, с редким блеском развиваемое дальше, взято напрокат из замечательной книги Н.Н.Евреинова «Оригинал о портретистах». Самое занятное, что об этой параллели у Евреинова Сергей Михайлович с тонкой издевкой писал в сноске в книге «Режиссура»:

«Конечно, ряд обобщений, вроде главы V, “Портрет как плод духовного coitus’a оригинала с художником”—не более как (очень мягко выражаясь)... курьез»⁶⁴.

Как же тогда можно оценить идею физического «овладения» художником модели? В конкретном случае с «девицей К.»? Ответим ее словами: «...но это миф, ясно».

Второй из текстов, написанных в Алма-Ате, датирован 2.XII.1943. Вставка об Агнии квалифицирована Эйзенштейном как «воспоминание»:

«Агния. Период Пролеткульта. “Мудрец”.

Horseback riding for all of us <Всем нам положена верховая езда>.

Агния. With this Dostoevsky name <С ее именем из Достоевского>.

Агния—the first I slept with <первая, с которой я спал>.

Агния weaving into one pattern <вплетающая в единую модель>:
Arvatov, Vertoff, myself and a big, big white... stallion <Арватова,
Вертова, меня самого и большого, большого белого... жеребца>. (В
манеже на Гранатном переулке.)
Я забыл имя этого громадного белого жеребца.
Он и Вертов служили для возбуждения моей ревности.
Intimite <близость> Агнии и жеребца (белого) была явно налицо.
Соперник старался втянуть горячими губами ее маленькую ручку.
(Странно: не помню, и мне вовсе безразлично, была ли ручка ма-
ленькой?)
Арватов сошел с ума.
В основном из-за меня.
Жеребец был не при чем.
Много лет спустя.
Судьба этого захотела.
Агния живет (жила) в одном доме—флигель Дома Герцена—с
Мадам.
Замужем за каким-то националом.
Раскосый скуластый ребенок.
Сдружилась с Мадам—конечно, на теме обо мне.
Хороший был жеребец.
Жаль Арватова.
Агния травилась.
Я ушел с Веркой Януковой.

Однако все, за исключением жеребца, сюда отношения не имеет»⁶⁵.

Это, пожалуй, самый правдоподобный текст, посвященный Касаткиной. Однако события здесь сильно деформированы оглядкой на жеребца из большого рассказа (или маленькой повести) Дэвида Герберта Лоуренса. Это подчеркивается («мне вовсе безразлично») и самим Сергеем Михайловичем: то ли он действительно вспоминает Агнию, то ли оттесняет воспоминание о ней мысленным воссозданием эпизода из лоуренсовского «Святого Мавра».

Любопытно, что у Достоевского нет героинь с именем Агния. По созвучию имен вспоминают Аглаю из «Идиота». Однако это совсем другой тип женщины, все-таки мало схожий (как мы теперь можем убедиться) с прототипом Агнии «воспоминания».

Реальный Арватов был ранен на фронте в голову и сошел с ума совсем по другой причине (так сказать, жертва исторического катаклизма, а совсем не любовного многоугольника с участием жеребца).

И в жизни Сергей Михайлович не «уходил» ни от кого с «Веркой» Януковой, скорее, его «подобрала» Агния Касаткина.

Думается, и «дружба» Агнии с Мадам (Елизаветой Сергеевной Телешевой) в значительной степени—странная фантазия Эйзенштейна. Нет никаких свидетельств о том, что они были знакомы.

И все-таки многое было: Пролеткульт, «Мудрец», верховая езда, Арватов, Вертов, Янукова. Скорее всего, Агния действительно была первой, с которой...

Хотя у Сергея Михайловича есть еще один текст:

«Об Агни»

“Я не знаю, было ли вчера...”—

Note received the next day <Записка, полученная на следующий день>.

Love scene in “Greed” on the dirty outskirts of Frisco <Любовная сцена в «Алчности» на грязной окраине Фриско>.

Почти так же у меня с Агнессой.

Новинский бульвар. Зады домов. Все заборы снесены, и сады в задворьях Новинского—один непрерывный участок деревьев. Но не сад. Не парк, а проходной двор.

Ветки обломаны.

Заборы истоплены (19–20 год, как позже Лнгр).

Трава вытоптана.

Метет пыль. Бумажки. Окурки.

Я помню это дерево.

Это не ива с игрою лунного света сквозь плакучие ветки.

Это не пушистые лапы раскинувшейся ели.

Или цветущая яблоня,

под которой любовью с другим Сергеем игралась Катерина Измайлова.

Это—даже уже не дерево, а почти телеграфный столб, воткнутый в пыльную истоптанную пешеходами бывшую лужайку.

Ветки обломаны.

Кора изъедена козами.

И кругом не столь пейзаж, сколько проходной двор»⁶⁶.

Перед нами набросок к «Мемуарам», написанный в мае 1946 года. Фантазия в мрачном стиле «Алчности» Штрогейма, одного из шедевров кинонатурализма, экранизации романа американского писателя, окрещенного «разгребателем грязи», Фрэнка Норриса «Мактиг».

Из всех эйзенштейновских текстов об Агни—этот, безусловно, лучший по литературной образности.

И самый беспощадный по художественному видению.

Да и вариация имени—Агнесса—добавляет рассказанному величественности.

Но вот это робкое: «Я не знаю, было ли вчера...» Может быть, женская неуверенность—единственный островок реальности посреди имитации штрогеймовских стилистических изысков.

Может быть, в реальности была лишь неудавшаяся попытка, а многократные ее описания—только «шалости пера»?

Но где бы и как бы и когда бы это ни случилось (или не случилось), память об этом событии и о молодой девушке по имени Агния сохранится как в его текстах, так и в исследованиях о гениальном режиссере, долгое время вновь и вновь пытавшемся поставить его в своем воображении.

1. РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 2271, л. 4.

2. Там же, л. 2.

3. Там же, л. 4 об.

4. Там же.
5. Там же, л. 16 об.
6. Там же, ф. 963, оп. 1, ед. хр. 1440, л. 18–20.
На первом листе документа слева в углу регистрационный номер: «№ 492 а» (л. 18).
7. Там же, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1694, л. 1–2.
На обороте второго листа написано: «Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду». Значит, письмо передавалось или лично, или через посыльного.
8. Там же, ф. 963, оп. 1, ед. хр. 1440, л. 21.
Обратим внимание на то, что учебное заведение Мейерхольда уже было переименовано: из «режиссерских» мастерские стали «театральными».
9. Там же, л. 17.
Интересно в этом документе упоминание Пролеткульта как места работы до болезни, т.е. до осени 1921 года.
10. Там же, л. 24.
Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) был образован путем слияния ГВЫТМ и Государственного института музыкальной драмы, в него вошли также девять полуавтономных мастерских (в том числе Мастерская Вс.Мейерхольда).
Надо полагать, что занятия в Мастерской шли по-прежнему в помещении на Новинском бульваре. Поступивший в ГИТИС на режиссерский факультет А.В.Февральский позднее вспоминал: «Наш "мейерхольдизм" помог нам очень быстро сблизиться с теми студентами второго курса, которые в предыдущем учебном году занимались у Мейерхольда, тем более что многие из них помогали нам советами во время экзаменов. Одна из второкурсниц, Агния Касаткина, убедившая меня держать экзамен к Мейерхольду, жила рядом с мейерхольдовскими мастерскими, и у нее, бывало, встречались ее товарищи по курсу и те, кто готовились учиться у Мейерхольда; такие встречи вводили нас, новичков, в круг интересов мейерхольдовской молодежи» (Ф е в р а л ь с к и й А. Записки ровесника века. М., 1976, с. 218–219).
11. Там же, л. 22.
Вопросы анкеты (как и год—«1923») написаны от руки чернилами. Ответы А.А.Касаткиной—карандашом. Дата и место рождения, также и название ГИТИС в ответе к 9 пункту анкеты и дата регистрации документа («3/II ... г.») с завершающим резюме, вписаны другим почерком.
Обратим внимание на изменение места проживания студентки и фразу: «Живу одна». Видимо, А.А.Касаткина предприняла попытку жить отдельно от родителей.
Надо объяснить необходимость в заполнении анкет в первые месяцы 1923 года. Это вызвано, думается, тем, что в результате произошедшего в конце 1922 года раскола из Гитиса вышел Мейерхольд (а также его Мастерская, его студенты—гвйтмовцы и часть студентов, набранных осенью 1922 года). Шло оформление его Мастерской как самостоятельного государственного учебного заведения. Этот процесс завершился осенью 1923 года созданием Государственных экспериментальных театральных мастерских (Гэктемас).
12. Там же, л. 23.
Темерин Алексей Алексеевич (1889–1977)—драматический актер, фотограф.
13. Там же, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 1847, л. 2.
14. Э й з е н ш т е й н С. М. Метод. Т. 1. М., 2002, с. 515.
15. «Киноведческие записки», 1990, № 6, с. 126–127.
16. Там же, с. 127.
17. *Арватов Борис Игнатьевич* (1896–1940)—искусствовед, теоретик производственного искусства. Соавтор первого варианта инсценировки «Мексиканца», вместе с Эйзенштейном разрабатывал концепцию агит-аттракционного театра.
18. Можно понять, что речь идет о приписке к письму, адресованному Б.И.Арватову, а не об отдельном письме С.М.Эйзенштейну.
19. *Кулешов Лев Владимирович* (1899–1970)—кинорежиссер, теоретик кино, педагог. Начал свою деятельность в дореволюционном кинематографе как актер и художник.

Речь здесь идет о планах Эйзенштейна посещать занятия Мастерской Л.В.Кулешова, чтобы заниматься монтажными упражнениями (см. их переписку лета 1923 года: «Киноведческие записки», 2004, № 68, с. 297–230; 3 а б р о д и н В. Эйзенштейн: попытка театра. М., 2005, с. 149, 152–154).

20. Сельско-хозяйственная выставка начала работу 19 августа 1923 года на территории, где позже был устроен Парк культуры и отдыха им. Горького. В культурной программе выставки Первый рабочий театр Пролеткульта участвовал с двумя спектаклями: «На всякого мудреца довольно простоты» и «Мексиканец» (самостоятельная постановка С.М.Эйзенштейна). В своем помещении театр открыл сезон 20 сентября «Мудрецом».

21. Речь идет о фильме Фрица Ланга «Доктор Мабузе, игрок» (1922).

В марте-апреле 1924 года он был перемонтирован Э.Шуб и Эйзенштейном и выпущен в прокат под названием «Позолоченная гниль».

22. Имеется в виду фильм «Приключения Тарзана» (1920, реж. Роберт Хилл). В прокате СССР с 1923 года под названием «Черный бамбук».

23. «Красные дьяволята»—фильм И.Н.Перестиани. В Москве его прокат начался в конце ноября 1923 года.

24. Надо полагать, это расшифровывается как Окружной клуб армии.

25. «Лига времени»—общественная организация, основанная в 20-х годах П.М.Керженцевым и А.К.Гастевым для борьбы с бюрократическими формами работы аппарата и оптимизации трудового процесса. Ячейки этой организации существовали во многих учреждениях и на предприятиях, благодаря чему, согласно исследованиям психотехников, у советских граждан вырабатывалось сознание ценности времени.

26. РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 1847, л. 4–5.

27. Там же, л. 5.

На обороте листа: «Тов. Эйзенштейну». Надо думать, записка была кем-то передана в руки Эйзенштейну.

28. Имеется в виду *Зинаида Николаевна Райх* (1894–1939)—жена В.Э.Мейерхольда, в то время студентка Гоктемаса, позднее (с 1924 по 1938 г.)—актриса его театра.

29. Там же, л. 1.

30. См.: «Киноведческие записки», 1993/94, № 20, с. 191–192.

31. РГАЛИ, ф. 963, оп. 1, ед. хр. 326, л. 43.

32. Там же, л. 56.

33. Это письмо, надо думать, так и не было отправлено.

34. Речь идет о фильме «Стачка», съемки которого начались в конце июня 1924 года. Правда, 1 мая оператором А.Рыло производилась документальная съемка первомайской демонстрации для эпизода картины (см. об этом: 3 а б р о д и н В. Указ. соч., с. 228–236).

35. Имеется в виду *Вера Дмитриевна Янукова* (1904–1939)—актриса театра и кино. См. о ней статью Е.Щемелевой «Клеопатра Пролеткульта» («Киноведческие записки», 2004, № 70, с. 159–165).

36. В письме от 7 июля 1924 года Ю.И.Эйзенштейн писала сыну: «Сегодня я получила письмо и от Агнии, в котором она приглашает меня погостить у нее. Я ей за это благодарна и с удовольствием приеду, как только приведу здесь дела в порядок, т.к. у меня порядочно накопилось долгов.

Я очень рада, что ты заходишь к Агнии, она славная девочка и так искренне любит тебя. Она пишет, что ты неважно выглядишь, наверно при такой затрате сил еще и скверно питаешься. <...> Аг. пишет, что фильма по-видимому выйдет интересной. Дай-то Бог тебе успеха на новом пути» (РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 2271, л. 18 об., 25–25 об., 26 об.).

Необходимо добавить, что листы письма в архиве разрознены—их порядок следующий: л. 18–18 об., л. 25–26 об.

37. Там же, ед. хр. 3048, л. 1–2.

38. Трудно сказать, о ком идет речь. Ассистентами режиссера в титрах значатся Г.Александров, И.Кравчуновский и А.Лёвшин. Следует добавить, что трения на всем протяжении работы над фильмом у Эйзенштейна были с В.Ф.Плетнёвым (соавтором сценария).

39. Речь идет о письме С.М.Эйзенштейна матери от 3 июля 1924 года. Оно опубликовано, однако с ошибочной датировкой: 3 июня 1924 года (см. Забродина В. Указ соч., с. 237). При публикации нам не удалось понять первую фразу письма сына: «Сейчас получил Твое “последнее” письмо». Теперь предоставляется возможность ее объяснить. 1 июля 1924 года Юлия Ивановна, три месяца не получавшая от сына ни строчки, патетически восклицала: «Что делалось с тобою, кто изменил твою душу, твою порядочность. Итак прощай, мой Роруся, на тот случай, если не получу твоего письма» (РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 2271, л. 13).

40. Там же, ед. хр. 3048, л. 4–5 об.

Видимо, А.А.Касаткина торопилась, завершая письмо, и вместо VII (июль) в дате написала IX.

Можно предположить, что, получив именно это письмо, Юлия Ивановна написала сыну 8 июля об Агнии: «Из рассказов Аг. я узнала, как грустно ты встретил Новый год, и с тех пор меня всегда точит мысль о том, что не всегда-то у тебя сладко в душе, и мне это очень грустно, так хотелось бы облегчить тебе такие минуты. Ну, может быть, в этом отношении тебе поможет твой молодой друг—Агн. Она так искренне пишет, что счастлива, что ваши отношения приняли опять дружеский характер, а мне всякий мил, кому искренне мил мой мальчонок. Целую детка тебя. По-моему Агния очень миленькая, такая чистенькая, аккуратная, а когда спит, то мордочка совсем детская, и вместе с тем, сколько она работает. Молодец девочка!» (там же, ед. хр. 2271, л. 21 об.–22).

41. О том, что Первый рабочий театр Пролеткульта выехал в Коломну на гастроли и для съемок эпизодов фильма «Стачка», сообщалось в газете «Известия» (1924, 18 июля). Там же сообщалось, что на Коломенском машиностроительном заводе был снят митинг с участием Троцкого. Это произошло 12 июля («Правда», 1924, 17 июля).

42. РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 3048, л. 6–7.

Поскольку в конце письма говорится о форме отправления—«заказное»,—то сохранившийся конверт (л. 3) позволяет датировать его: на конверте есть помета «заказное», штамп отправления—«Москва 25.VII.24». Штамп получения—«Ленинград 26. 7.24»—дает возможность определить срок доставки корреспонденции адресату.

43. Там же, л. 8–8 об.

Письмо не датировано, однако время, когда оно было написано, легко определить по контексту—после 25 июля и до 5–6 августа (см. следующее письмо). Так как Касаткина пишет об ожидании ответа Юлии Ивановны, то логично датировать письмо началом августа.

44. Там же, л. 9–9 об.

45. Юлии Ивановне Агния написала на следующий день на обороте фотооткрытки с изображением сочинской лестницы (видимо, ведущей к какому-то санаторию) (там же, л. 10). Текст частично повторяет написанное накануне Сергею Михайловичу и варьирует любовное приглашение приехать в Москву. Единственная останавливающая внимание фраза: «Москва—как будто в совершенно другом мире».

Так как Юлия Ивановна перестала удостаивать Агнию ответами, то переписка на этом оборвалась.

46. «Кооперативный штат»—далее в письмах «кооператив» и «кооперация»—можно истолковать как сонм поклонниц и поклонников, которых следовало бы проэксплуатировать в своих интересах.

47. Правильная форма—«чтоб ей». Вероятно, Агния пародирует чей-то акцент или реакцию на укус Сергеем Михайловичем ее губ.

48. Там же, ед. хр. 1847, л. 6–7.

49. Там же, л. 8–9.

На обороте листа 9 помета: «А.Касаткина». Не исключено, что сделана Эйзенштейном.

50. Думается, что имеется в виду ответ С.М.Эйзенштейна на анкету «Театр или кино» журнала «Новый зритель» «Два черепа Александра Македонского» (1926, № 35, с. 10). Номер вышел в свет 1 августа.

Эта реплика кинематографиста в дискуссии, организованной журналом «Новый зритель», подверглась полемическим наскокам сторонников театра.

51. РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 1847, л. 13.

52. Там же, л. 10.
Адрес и номер телефона написаны слева от текста по вертикали. Номер дома обозначен как «52». Скорее всего, это описка (как и раньше—в анкете ГВЫТМа).
- По тексту записки помета С.М.Эйзенштейна «Ответ/ 10/XI-26».
53. Эйзенштейн находился в Ростове (и его окрестностях) с начала октября и по 20-е числа ноября. Там проводились съемки фильма «Генеральная линия».
54. Надо думать, имеется в виду кинотеатр «Малая Дмитровка 6», частым посетителем которого был режиссер.
55. Увлечение Эйзенштейна Зигмундом Фрейдом связано с прочтением им в 1918 году русского издания книги «Леонардо да Винчи. Воспоминание о детстве». Агния столкнулась с учением Фрейда, скорее всего, во время лечения своих неврозов А.Б.Залкиндом.
56. Речь идет о научно-популярном фильме В.И.Пудовкина (об учении академика И.П.Павлова) «Механика головного мозга» (1926).
57. *Радек* (наст. фам. Собельсон) *Карл Бернгардович* (1885–1939)—партийный деятель, литератор.
58. *Залкинд Арон Борисович* (1888–1936)—психотерапевт.
В дневниковых записях Эйзенштейна конца 1923 года можно прочитать: «Появление Залкинда—Касаткина его затащила на “Москву” и “Мудреца”, чтобы нас свести и мне у него лечиться». (см. в кн.: Мнемозина. Исторический альманах. Выпуск 2. М., 2000, с. 255).
Так как премьера спектакля «Слышишь, Москва?!» прошла 7 ноября 1923 года, то знакомство Эйзенштейна и Залкинда могло состояться не ранее этой даты.
59. Имеется в виду кинопоэма Дзиги Вертова «Шестая часть мира» (1926). Уклонение Касаткиной от оценки фильма объясняется тем, что в этот период отношения Эйзенштейна и Вертова достигли пика взаимной неприязни.
60. РГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, ед. хр. 1847, л. 11–12 об.
В архиве Эйзенштейна сохранился конверт (л. 14) с адресом: «Тов. С.М.Эйзенштейну/ Гостиница «Новая Европа»/ г. Баку» и штемпелями отправления (где читается только год—«26») и получения (где читается только число—«27»). Из этого следует, что в своем письме Агнии из Ростова Сергей Михайлович дал свой будущий бакинский адрес.
61. См. Э й з е н ш т е й н С. М. Метод, т. 1, с. 485–486.
62. Там же, с. 344–345.
63. Там же, т. 2, с. 501.
64. Э й з е н ш т е й н С. Избранные произведения в 6-ти т. Т. 4. М., 1966, с. 381.
65. Э й з е н ш т е й н С. М. Метод, т. 2, с. 514–515.
66. РГАЛИ, ф. 1963, оп. 1, ед. хр. 1277, л. 3–3 об.
-